

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. Под общей редакцией В. Д. Блаватского, В. Ф. Маркузона, Б. П. Михайлова, В. Н. Сарабьянова и Е. Г. Чернова. Изд. Академии архитектуры СССР, стр. XIX+348 и 160 табл., М., 1949, цена 35 руб., тираж 10 000.

Первый том пособия по всеобщей истории архитектуры «Архитектура древнего мира» (доклассового и раннеклассового общества) был опубликован в 1944 г. В 1948 г. вышла 2-я книга II тома (об архитектуре древнего Рима), а в 1950 г. читатели получили 1-ю книгу этого же тома, посвященную архитектуре древней Греции.

Такое широко задуманное и долго подготавливаемое коллективное издание появляется впервые в архитектурной науке. В сравнении с прежними трудами первые книги «Всеобщей истории архитектуры» отличаются рядом преимуществ: устранены некоторые очевидные недостатки буржуазного искусствоведения, как, например, вельфлинская теория видения и др.; собрано много архитектурных фактов, сделан ряд попыток представить их по-новому и т. п. И все же вышедшие тома еще отстают от современных требований и возможностей марксистско-ленинской науки из-за отсутствия разработки определяющих вопросов истории и теории архитектуры и неудовлетворительного состояния критики в этой области. В архитектурной науке до сих пор не установлено единой методологии исследований, не уточнены содержание предмета, его границы и взаимосвязи со смежными техническими и общественными дисциплинами. Этим и надо объяснить, что в рецензируемой части пособия нет цельности, мало использованы достижения ранее изданных книг и не только повторены некоторые их недостатки, но кое-где и возобновлены уже прежде отброшенные устарелые взгляды.

Книга открывается большим «Предисловием» проф. В. Н. Сарабьянова ко всему II тому. За ним следует «Введение» с общими сведениями об античной Греции и такой периодизацией древнегреческой архитектуры, которой соответствуют и деления изложения: 1. древнейшая (гомеровская) эпоха; 2. архаическая эпоха VII—VI вв. 3. классическая эпоха V—IV вв. и 4. эпоха эллинизма III—I вв. Первые три части написаны Н. Е. Роговиным, В. Ф. Маркузоном и С. И. Сахаровым; четвертая — Н. Е. Роговиным при участии М. М. Кобылиной и С. А. Кауфман, «Введение» к ней — В. Д. Блаватским.

Во вступительной главе первой части «Зарождение греческого зодчества» дан очерк общего развития архитектуры героической эпохи; в следующей главе описаны святилища и храмы (Аполлона на о. Фере, Артемиды Орфии в Спарте, храмов Дрепоса и Принпи), а также модели из Аргоса и Перакоры.

Во второй части дана характеристика греческих архитектурных ордоров, их системы и композиции с описанием обломов. Затем в двух главах довольно подробно описаны постройки: 1) дорического ордора (храмы в Олимпии, Фермосе, Кирене, Сиракузах, Селинунте, Пестуме, Коринфе, афинском Акрополе, Дельфах и др.) и 2) ионического ордора (в Неандрии, на Самосе, в Эфесе, Дидимах и др.). В последней главе указаны данные об общественных сооружениях и ансамблях.

Третья часть занимает основное место в книге (стр. 103—258). Глава «Греция в эпоху расцвета» содержит очерк истории культуры и строительной техники Афин того периода. В главе «Архитектура первой половины V в. до н. э.» даны общая оценка архитектуры и описания храмов на Эгине, Сидилии, Олимпии и Пестуме. В главе «Архитектура второй половины V в. до н. э.» собраны сведения о сооружениях афинского акрополя, других памятниках Аттики (храмы в Рамнунте, на Сунии, в Элевсине), Пелопоннеса, Ионии и Великой Греции. Затем, после главы «Город и жилище классической эпохи» с описанием возникновения «регулярной» планировки городов, архитектуры жилищ, некрополей и парков V—IV вв. до н. э., следует глава об «Архитектуре IV в. до н. э.», где собраны материалы о театрах, общественных зданиях и храмах Пелопоннеса (Эпидавр, Мегалополь, Тегея, Немеря и Олимпия), монументах и культурных зданиях Малой Азии (гробницы в Книде и Мавзола в Галикарнасе, храмы в Сардах, Эфесе и Приене), общественных постройках в Аттике.

В начале IV части дан очерк истории и архитектуры эллинистического мира. Затем следуют главы с фактическим материалом об эллинистических городах и памятниках в Малой Азии (Приена, Пергам, Милет, Эфес), на Эгейских островах (Самофракия и Делос), в континентальной Греции (Афины, Дельфы, Пелопоннес), в Сицилии, Египте и Сирии. Помимо 376 рисунков в тексте и 6 карт, к нему приложены 160 таблиц с фоторепродукциями и ряд указателей.

Остановимся на некоторых из основных идейно-теоретических и методологических вопросов, затронутых в книге. Таковы, например, трактовки исторического процесса в древности, оценка социальной роли архитектуры, вопросы о генезисе греческого ордера и развитии «регулярного» градостроительства.

Автор «Предисловия» поставил перед собой важнейшую проблему: «Изучая архитектуру разных времен и народов, постигая закономерности ее развития, в конечном счете, в причинной связи с закономерностями той экономической базы, на которой она возникает, мы ставили перед собой задачу большого значения: выяснить, что из античного зодчества может быть нами унаследовано и почему?» (ст. XVII, разрядка моя. — Г. П.). Но ответа на эти важнейшие вопросы в книге нет. Автор выражается весьма неточно: унаследовано нами все, что было создано в прошлом и сохранилось от него, но использовано практически может быть далеко не все. Именно выяснение того, что может быть использовано из античного опыта и почему, а особенно, как должно быть использовано, и составляет сущность проблемы отношения к наследию. Кроме того, повидимому, архитектура не только «возникает» на экономической базе, но является и одним из ее составных элементов. Автор относит архитектуру полностью к надстройке, что вряд ли правильно. Это также один из основных вопросов архитектурной науки, подлежащих глубокому обсуждению.

Здесь же автор «Предисловия» неправильно комментирует и небрежно цитирует Маркса, говоря: «Маркс поэтому и писал о греческом искусстве и эпосе, что они не только «связаны с известными формами развития», но и продолжают еще «доставлять нам художественное наслаждение и, в известном смысле, сохраняют значение нормы и недостигаемого образца» (стр. XVIII). Но ведь Маркс отмечает, что трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития, но в понимании того, что они еще продолжают доставлять художественное наслаждение и сохраняют в известном смысле (т. е. относительно, а не абсолютно) значение нормы и недостигаемого образца.

В «Предисловии» обнаруживаются и другие небрежности. Например, там говорится: «Греческое и римское античное искусство — поэзия, драма, скульптура, архитектура — в эпоху классики почти не знает мелких, социально незначительных тем. Вся мифология отражает родовой строй в противоречиях его развития» (стр. XVIII). Связь классического искусства с мифологией сначала как «почвой», а затем как «арсеналом», указанная Марксом, здесь явно искажена. Ведь большим социальным содержанием искусства, его основной темой «в эпоху классики» (с использованием старых мифологических сюжетов и форм) было отнюдь не отражение противоречий родового строя, но отражение нового содержания и новых противоречий античного рабовладельческого общества и борьбы с пережитками старого.

В «Введении» неправильно охарактеризован древнейший период истории Греции, причем утверждается, что у Гомера отражена «эпоха разложения родового строя и перехода к классовому обществу, к античному рабовладельческому государству» (стр. 7). Но Энгельс считал, что в эпосе отражен высший расцвет первобытно-общинного строя и лишь начало его упадка, что предшествовало эпохе перехода к государству.

Характеристика архитектуры гомеровской Греции основана на упоминаниях построек в «Илиаде» и «Одиссее» и археологических данных о некоторых сооружениях VIII и даже VII вв. до н. э. (храм в Принии), хотя они относятся уже к периоду архаики. В главе «Жилой дом древнейшего периода» произвольно скомбинированы цитаты и

ссылки на гомеровский эпос и Гомеровские гимны, тогда как гимны относятся к VII—VI вв. до н. э. К тому же взятые из этих текстов упоминания домов базилиевсов и их хозяйственных усадеб используются для характеристики типичного жилого дома рядового эллина героической эпохи. Таков рассказ из XIV песни «Одиссея» о скотном дворе со сторожевым каменным домом, построенным рабом-свинопасом Евмеем в усадьбе базилиевса (ст. 5—13). Но этот отрывок рассматривается как «указание об устройстве главного организующего элемента каждой жилой усадьбы двора» (стр. 13; разрядка моя.—Г. П.). Так же неправильно по существу и другие ссылки, которые, сверх того, и указаны неточно. Вместо XXII, 451 «Одиссея» следовало указать XXII, 442 или 459. Вместо I, 328 «Одиссея» следовало указать I, 324—325. Ссылку VII, 449 надо читать VIII, 449. И вот на таком материале обосновывается вывод: «Таким образом, жилой дом древнейшего периода был по описаниям эпоса постройкой мегаронного типа» и т. д. (стр. 13), тогда как ясно, что по одним упоминаниям домов базилиевсов представлять жилища древнейших греков неправильно.

Далее некритически повторено толкование храма как жилища божества (стр. 14). Однако из всех греческих источников явствует, что греки и раньше и позже считали, что боги живут не в храмах, а на Олимпе. Храмы строились в честь богов как места встречи членов общины для совместного поклонения богам и выполнения предписаний культа. Образ греческого храма — не образ жилища бога, но образ самой эллинской общины.

В вводных замечаниях ко 2-й части книги (стр. 28) не отмечено, что греческая лирика VII—VI вв. носит уже ярко выраженный классовый характер, а приводимые справочные данные не связываются с архитектурой эпохи. Даже упомянув о Фалесе, авторы не указали, что этот философ был одновременно известным архитектором, строителем мостов, и геометром.

Непосредственный интерес для современной практики должно было представлять научно объяснение греческого ордера, которому отведены следующие главы. Но авторы ограничились его формальным описанием, сочтя, что ордер — «особый тип архитектурной композиции, который возник из стоечно-балочной конструкции эллинского зодчества как ее своеобразная, закрепленная традицией архитектурная переработка». Такое определение представляет лишь вариант конструктивистского объяснения ордера, развивающий мысль Виоле ле Дюка: «Греческие ордера представляют собою не что иное, как конструкцию, которой придана была наилучшая внешняя форма, отвечающая ее назначению»¹. В таком же плане дано и дальнейшее истолкование греческого ордера, без раскрытия того ряда свойств, который позволял «решать самые разнообразные художественные задачи» и воплощать всевозможные архитектурные образы. Ведь ордер назван «универсальной системой художественно-выразительных средств, наиболее полно воплотившей особенности архитектурного мышления древнегреческих зодчих» (стр. 32). Но и особенности эти не определены.

Архитектурный ордер развивался постепенно как метафорическая архитектурная форма с доисторическим и историческим содержанием и с эстетизирующей обработкой элементов. В нее были вплетены или с нею были связаны разные традиционные идейные представления, указаний на которые более чем достаточно в античных сочинениях и археологическом материале. Давно следовало в их свете проанализировать развитие архитектурных ордеров и попытаться выяснить, как от старых горных, лесных и тому подобных святилищ древние греки в VIII—VII вв. до н. э. стали переходить к храмам, где основное здание, сооруженное по принципу сплошных стен, окружено колоннадами, организованными по стоечно-балочному принципу, и как затем они были преобразованы в общую конструктивную систему, вобравшую в себя и огромное историческое и новое идейно-художественное содержание.

Колонны и колоннады своеобразных ордеров появлялись и в других странах: Египте, Двуречье и т. д. Не сведенные в ордер колонны имеются и теперь в родо-об-

¹ Виоле ле Дюк, Беседы об архитектуре, М., 1937, ч. I, стр. 201.

щинных поселениях канадских индейцев, где они были засняты в 1930 г.¹ Бесполезно искать один первоисточник образования колонад, выводить их только из конструктивных колонна-опор внутри здания или подпиравших вынос плоской кровли в антах. Об этом свидетельствуют даже наблюдения не архитекторов-исследователей. Так, проф. В. С. Сергеев отмечал, что внутри зданий крито-микенские колонны высотой всего около 3 м «п о д ы м а л и с ь в в е р х н е у з к о й , н о ш и р о к о й ч а с т ь ю»² (рядка моя. — Г. П.), тогда как колонны в периптерах почти всегда кверху суживались. Уже одно это должно поставить вопрос об отличии конструктивных (опорных, стоечных) колонн от колонн в колонадах, воздвигавшихся с художественной целью, а позднее получивших и конструктивное значение.

Глава о постройках дорического ордера начинается с подзаголовка «Переход от дерева к камню и развитие архитектуры в VII—VI вв». Но такое определение не основательно, ибо, как известно, обработка камня имела во многих местах первичное значение. У Гомера более чем достаточно указаний на постройки из тесаных камней. Здесь повторено и устарелое утверждение, что художественные качества архитектурного «организма» были достигнуты благодаря «гармонизации» композиции в связи с учением Пифагора (стр. 49). Авторы, трижды говоря о нем (стр. 28, 49, 55), ни разу не отмечают формализма Пифагора и его последователей, пытавшихся, по свидетельству Витрувия, «гармонизировать» с помощью математических формул даже композицию комедии.

Глава об общем характере классической архитектуры V в. начинается с положений о победе дорического ордера. Далее, храмы в архитектуре уподоблены драме в литературе, а периптеры — к общегреческим мифологическим сюжетам. Однако вместо того, чтобы выяснить особенности и содержание греческой архитектуры, внимание авторов сосредоточивается на соотношении ионика и дорика, числе колонн в сторонах периптера, расположении тригффов, размерах метоп и интерколонния, тогда как роль этих существенных, но формальных частных была подчиненной.

Значение пропорций, размеров сооружения и масштабности его частой было весьма велико в эллинистической эстетике, где огромную роль играла мера, но авторы не сделали хотя бы гипотетической попытки раскрыть их эмоциональную роль. Они полагают, что «строение разнообразных организмов и его взаимосвязь с их абсолютными размерами как бы подсказывали зодчим богатые возможности для выявления структуры сооружения и придания ему определенной масштабности» (стр. 119). Такие устарелые объяснения уже не могут удовлетворять современных научных интересов. Чувства масштабности, меры развиваются у людей в процессе их трудовой активной практики³, а не из созерцания строения разных «организмов», сопоставляемого с их «абсолютными размерами».

Зато отражение условий оптического восприятия архитектурных элементов, отмечавшееся еще в античности и изученное в XIX в. вторично (см. стр. 75), поставлено под сомнение (стр. 117), хотя авторы и подчеркивают замечательное свойство классической греческой архитектуры — ее расчет на живое человеческое восприятие.

В довольно подробном описании реконструкции афинского акрополя при Кимоне и Перикле попытка художественного раскрытия основывается ссылкой на периптеры и сочетание архитектурных ордеров (стр. 134). В объяснении композиционного единства акрополя отвергается с порога концепция его органического последовательного длительного развития, столь характерного для архитектуры. Авторы поддерживают здесь теорию единого замысла, легшую в основу многих модернизированных рекон-

¹ Ю. Н. Аверкиева, Рабство у индейцев Сев. Америки, Изд. АН СССР, М., 1944.

² В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1948, стр. 96.

³ П. Иванов, Проблема прекрасного в марксистско-ленинской эстетике, журн. «Искусство кино», 1950, № 5.

струкций, хотя одновременно правильно критикуют Стивенса за подобную модернизацию (стр. 141).

В характеристике Парфенона нет ссылки на исследование акад. С. А. Жебелева об этом храме¹. Полезная сравнительная схема антаблементов, ордеров и фасадов сооружений акрополя (арх. Г. Константиновского на стр. 170) подсказывает, что образная специфика каждого из них не исчерпывается ордерными, декоративными и конструктивно-тектоническими отличиями. Здесь очевидна обусловленность не только одним внешним обликом, но и связанными с каждым из сооружений ассоциациями и характером совершаемых в зданиях процессов.

Говоря о греческом градостроительстве V и IV вв. до н. э., авторы считают, что после основания Мантиней в 460 г. до н. э. все другие новые города закладываются лишь на геометрически правильной основе. Они ссылаются на планировку Гипподама в Пирее, Фуриях, на Родосе и др. Но это неверно. Нерегулярные планировки также применялись в античном градостроительстве² последующих эпох (Пергам, Антиохия и др.). Даже поздний автор Либаний в речи об Антиохии, восхваляя ее живописность, говорил: «Кто живет в квадратном городе, пусть знает, что величается он малым».

Пытаясь доказать, что эстетические достоинства античного градостроительства с V в. до н. э. определялись «регулярностью», авторы оперируют примерами реконструкции планов «регулярных городов». Такovy «реконструкции» планов Милета и Книда, причем о последней авторы пишут, что она «во многом базируется на догадках» (стр. 195). То же самое касается «плохо изученного Мегалополя, где центральная часть, раскопанная в конце XIX в., как сказано, «несомненно имела правильную геометрическую планировку» (стр. 196). Для подтверждения этой «песомненности» приводится реконструированная схема агоры Мегалополя. Однако [перестановка в ней святилища Зевса Сотера (см. рис. 176, 177) и исключение упомянутых Павсанием храмов Тихи (VIII, 30,3) и Кору (VIII, 30,5), ручья Бафил (VIII, 30,6), [а также ряда культовых сооружений (алтарей и т. п.), положение которых не [увязывается со строгим геометризмом «регулярности», обнаруживают ложность реконструированной схемы. Это лишний раз напоминает, что надо строго критически относиться к формалистическим «реконструкциям» буржуазных ученых.

Одной из наиболее интересных является глава о жилищах V—IV вв. до н. э. (стр. 204—211), которая в основном опирается на недавние раскопки Олиффа, разрушенного Филиппом Македонским. Здесь использованы опубликованные Д. Робинсоном в 1930 г. материалы по застройке кварталов, устройству дворов и реконструкции самих домов «пастадного» типа (с портиком) и т. д. Авторам следовало обратить больше внимания на данные о концентрации богатств и обеднении олиффских жителей и, критично отнесясь к материалам Д. Робинсона, попытаться проанализировать влияние имущественных различий на исходные схемы планировки олиффских домов.

В начале вводной главы четвертой части книги говорится: «Эллинистические государства были монархиями восточного типа, в которых греко-македонская аристократия составляла лишь привилегированную верхушку, управлявшую основной массой туземного населения; поэтому классовая борьба на Востоке неизменно приобретала характер национальной борьбы местного населения против иноземцев» (стр. 264). Это является ухудшенным пересказом соответственного места из учебника В. С. Сергеева; лучше было привести его текстуально с указанием источника².

В нечеткой и противоречивой оценке эллинистического зодчества (стр. 264) авторы механически привлекают известную мысль Маркса: «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра». Маркс имел в виду, что расцвет политический и идейно-культурный не совпадает с подъемом религии, а вытесняет ее. Но авторы используют цитату в другом

¹ «„Парфенон“ в Парфеноне», ВДИ, 1939, № 2, стр. 47 сл.

² В. С. Сергеев, История древней Греции, М., 1948, стр. 395.

смысле, полагая, что «эта характеристика полностью применима и к зодчеству эллинизма», несмотря на то, что как раз перед тем они говорят о явном измельчении его идейно-художественного содержания. И в самой Греции и вне ее зодчество эллинизма являло идейный упадок искусства.

Кроме того, Маркс говорил об эпохе Александра с 336 по 323 г. до н. э., так же конкретно, как и об эпохе Перикла. Отрывать цитату и от вопроса и от периода, к которому она относится, распространять ее безотносительно к существу темы на всю эпоху эллинизма с III по I в. до н. э. недопустимо. Признавая, далее, что архитектура и искусство в эпоху эллинизма утратили свое прежнее идейное общественно-воспитательное значение, авторы должны были больше внимания уделить местным особенностям зодчества разных эллинистических стран и подчеркнуть рост формализма в эту эпоху, чтобы облегчить читателям критический подход к памятникам этой архитектуры.

Среди характеристик в разделе «Города и памятники эллинизма» многие представляют короткие каталожные справки, которые мало что дают читателю. В довольно же подробном описании храма Афины Никефоры в Пергаме ниши в верхней части стены с чередующимися двухколонными эдикулами восприняты как украшение. Между тем в их основе лежала специальная функция — служить для размещения щитов, трофейного оружия и т. д., что подчеркивалось и рельефом баллюстрады (стр. 291 и табл. 129, 4). Художественная идея образа этого храма не упомянута.

В отличие от первого тома в рецензируемой книге нет словаря архитектурных терминов. Объяснения их даны только в тексте или сносках.

При всех этих теоретических недостатках и ошибках книга свидетельствует о большом труде по сбору описаний и иллюстраций, а также систематизации архитектурных памятников Эллады. Заслуживает одобрения и самый факт попыток самостоятельно и по-новому проанализировать материал, хотя часто неудачно. Авторам не удалось преодолеть фактографический, реестровый подход к архитектурным явлениям, отобрать из них наиболее характерные и определяющие и отбросить устаревшие трактовки из-за методологической неразработанности основных проблем архитектурной науки.

Конечно, столь сложную задачу, как создание новой, советской истории архитектуры, нельзя разрешить при отсутствии необходимых теоретических разработок таких вопросов архитектурной науки, как марксистско-ленинское определение ее предмета и границ, эстетических особенностей архитектуры, ее специфики как единства материальной культуры, техники, науки и искусства. Ведь архитектура не только надстройка, но и «постройки», как писал Луначарский. Она не только отражает, но и выражает жизнь.

На философской дискуссии 1947 г. А. А. Жданов предельно ясно изложил научные требования к советскому учебнику по истории философии. Они целиком относятся и к рецензируемому пособию по архитектуре. К сожалению, ни одно из них в нем не выполнено. Предстоит еще большая работа по созданию вполне научной марксистско-ленинской истории зодчества Эллады. Только проведение ее на должном партийном теоретическом, социально-историческом и специальном уровне и решительный критический пересмотр буржуазных концепций дадут ответ на вопросы: что и как может быть использовано из богатого классического наследия для развития архитектуры социалистического реализма.

Г. Б. Пузис